

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

Ситуация простая: Вера вызвала такси ехать в аэропорт. Но и не очень простая: Вера должна была лететь в Петербург по случаю кончины своей тетушки.

Ситуация нехорошая, хотя и не трагическая, тетя давно с их семьей не общалась и даже не отвечала по телефону, а сразу бросала трубку, и этой тете было за восемьдесят, а ее родной сестре, маме Веры, под семьдесят (Вера была поздним ребенком, как, кстати, и ее мать).

Во всяком случае, у умершей иногородней тети эта Вера с ее мамой должны были считаться единственными родственниками, а стало быть, и наследниками.

Однако тетина квартира не отходила им по воле этой самой тети, было давно ею объявлено, что тут ловушка и хотят ее убить и ограбить —

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

а всего-то Верина мама один раз позвонила сестре, можно ли взять из родительского чулана старый оранжевый абажур, Вера как раз ехала с экскурсией в Питер.

— Дайте воды попить, а то ночевать негде, да? И не достанется вам ничего, не дождетесь, я уже квартиру отписала внучатому племяннику Сигизмунда, добрым людям, в отличие от некоторых, а Сигизмунд жив! — ответила сестре Валяшка и бросила трубку.

Валяшка — это было ее шутивное семейное прозвище.

А вообще-то тетю Валяшку звали Валеска Викентьевна, и она гордилась своим необычным именем.

У тети Валески, как она сама считала, и только у нее, были подлинные права на родительское имущество, а не у этой младшей сестры-выскочки-москвички (имелась в виду Лаура, мама Веры), это было объявлено сестре-москве по телефону, и именно Валеска, как выяснилось впоследствии, хоронила сначала бедного папу, все перенесла — и его алкоголизм, и старческую деменцию (все под себя и уже не поднимался), а потом проводила и героически курившую до конца дней маму, последний раз в постели в больнице ночью, отчего и сгорела.

Причем Валеска ни слова не сообщила в Москву об этих ужасных вещах в своей жизни, все трагически вынесла одна.

Мама Лора узнавала о событиях по телефону от ее соседки, своей подружки по детскому саду.

Та ничего не видела, похороны-то теперь происходят не по месту жительства, а по больницам, но как-то догадывалась, Валяшка плакала в голос. И потом все выложила как на духу, пришла занять яйцо у соседки, да за чашкой чая и засиделась. Чашку уронила, разбила. Дорогую, старую.

— Я вам подарю другую, тоже старинную. У нас там есть много, — пообещала мама Лора.

Соседка, видимо, не поверила — дверь для младшей сестры у старшей всегда была закрыта.

Даже в день похорон. И надеяться на какую-то мелочь типа старой чашки не приходилось.

Конечно, Лаура звонила сестре с соболезнованиями и участливо, как несчастной сироте.

Но сама эта Валеска тут же отвечала по телефону бодро и злобно, что эта соседка бредит, все придумывает, желаемое за действительное: «Вы так и мечтаете, да? Чтобы все перемерли, я в том числе? Москва, не суйся!»

А потом вообще перестала брать трубу.

Но соседке-то она призналась, что этим облегчила себе жизнь, и наследство сохранила, и не потратилась, и не должна была выносить еще и эту сестру-москву в соплях и в истерике, и с претензиями на абажур, и ее престарелого четвертого по счету мужа, и эту их Веру пришей кобыле хвост неизвестно от кого. Нормальную ли? Можно было ожидать всякого, ведь от старика. От ста-

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

рика ли, ой ли? (Говорила Валяшка соседке, а та передала даже интонацию. Мир-то ведь это театр, и люди в нем актеры, тем более в рассказах о других.) Так сказать, приبلудная сестренка Лорка и старалась эти дела (в кровати) каждый раз оформить в какой-никакой укороченный брак. И часто не получалось! И эта младшая сестра, Лаура как звать-по-батюшке (говорила Валяшка), она именно что не любила свое отчество, это факт — то есть она предавала память папы, когда говорила «зовите меня просто Лора».

А сама была знаем кто, Вахтанговна, от второго, незаконного, мужа мамы, ее больного солдата в госпитале. Молодого. Однако же по паспорту эта Лорка Викентьевна была отцова, он хоть и не признал ребенка своим, но состоял в браке и по документам вынужден был числиться в графе «отец». Она оказалась, эта вторая его дочь, кто? Викентьевна и русская, но тогда откуда у ленинградки Лорки Викентьевны нос такой и глаза такие. Мама грешна была, это точно, все врачи одинаковы по месту работы.

Но у мамы, объясняла Валеска, были мечты о первой родине предков, об Италии, отсюда это небывалое имя Валеска. Все удивляются до сих пор. Говорят Валька, запинаются. Валька Викентьевна, видали? Да и Лаура появилась, младшая, из той же оперы. Никто не называет, говорят сокращенно, Лора Викентьевна. А она-то по-настоящему Вахтанговна.

«Эта моя неродная Лорка, — говорила Валяшка соседке, а та, впоследствии, пересказывала это по телефону и самой Лоре со смехом и в лицах, — эта Лорка, уже много лет пребывая в Москве и четвертый плюс еще десять раз выходя замуж, она напрасно писала сюда, что хотела бы присвоить из чулана тот, писала, помнишь, давно сломанный оранжевый абажур, шелк уже, наверно, посекеся, хотя каркас можно было бы починить и заново обтянуть, если все-таки основа наверняка сохранилась. Ишь заботливая».

«Как Валяшка к старости опростилась, — сказала Лора дочери в результате этих переговоров, — уже полностью перешла на отцов словарь».

А Вера знала, что ее уже немолодая мама, Лаура, как раз на тот момент, когда писалось то письмо к сестре с просьбой об абажуре (эти мечты, серебряный век, модерн, металлические лилии и лианы), обставляла первую в жизни собственную квартиру, купленную мужем, хотя и однокомнатную, однако же свою, и все ушло на хороший ремонт.

Но «ваша афера с моим антиквариатом не вышла», как ответила ей в письменном виде неприступная Валяшка.

«Забудьте мой адрес навсегда, — так торжественно заканчивалось письмо. Кстати, последнее. — Ты мне неродная и никто, это была измена матери моему папе».

А мама Лора после этого письма расстроилась и рассказала Вере историю о еще одной, первой,

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

измене, о незаконном папином ребенке. То есть Вере он приходился бы дедушкой.

Папа вообще был тогда недоволен поведением жены. А дело происходило в середине тридцатых годов двадцатого века. «Гордися, коли никуда не годисся», приводил народное изречение отец, недовольный итальянским именем дочери. Валеска — это как?

Отец Лоры сам был рабфаковец, а мама Лоры скрывала происхождение, но иногда проговаривалась о предках — итальянские архитекторы там были, графы?

«Да подсобники и каменщики, а не архитекторы, — отвечал деревенский папа. — Вместе с Росси они заявили, он их взял в Россию, тут не было таких подсобников и каменщиков, приехали в эти гнилые болота. Как я».

Что-то маме Оле грезилось, военврачу, какое-то будущее дочери Валески, итальянские сюжеты, она вечно читала в выходные то Боккаччо, то Данте в оригинале, разумеется, с папиросой в зубах, прихлебывая разведенный больничный спирт с брусничным вареньем. Это уже были сведения от Валески, которая в те поры, пребывая в подростковом периоде, находилась с матерью в натянутых отношениях.

Там так эти книги, начиная с Данте, в квартире в шкафу и должны стоять, в кожаных переплетах, объясняла дочери Лаура.

Это была их вечная тема — Ленинград и родная квартира, гнездо, из которого мама Лора выпорхнула так рано.

А Валеска выражалась в те времена по-отцовски. «Читали читаки, писали собаки». Каковой словесный оборот и сохранился в семейной саге, как ее передавала Верочке ее мама Лаура. Вместо того чтобы полы мести и в корыте стирать, читали читаки, обычно говаривал папа Витя.

Но для этого, для помела и корыта, у них была домработница, скобская, с деревни, Маня, с которой папа и сошелся в разговорах, нашел с ней какой-то общий знакомый полустанок на железной дороге, поселок далекий с родным именем, и рад был хоть с человеком поговорить и все такое, пока мама отработывала ночные дежурства.

Была и история появления Мани у них в квартире.

Вдруг мама Оля наладилась ездить на дачу с ночевой, как выражался папа. В ответ на вопросы папы она цитировала Пушкина. Это сохранилось в семейной саге, там, говорила, я люблю звезды, воздух, листопад.

Папа, конечно, подозревал всякое. Были скандалы.

Он говорил: «Интересно девки пляшут», подразумевая подвох и измены.

«Уж роща отряхает последние листья с нагих своих ветвей», — смеялась мама Оля над папой. Семью она просто забросила. Валеска должна бы-

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

ла после школы еще и сама продукты отоваривать, в ванной дровами колонку топить, чтобы отец мог после работы помыться. Ему и готовить надо было, если у матери были сутки дежурства, и он орал, а Валеска была аристократка, она всегда такими вещами манкировала. Не для того она росла.

Наконец, говорит семейная легенда, через месяц ревнивый папа Витя не выдержал и поехал тоже на дачу. Папа был суровый военврач, хирург, внешность имел как все народные маршалы, нос картошкой, усы как у Ворошилова (как у Гитлера, сказала как-то мама Оля, как раз у СССР с ним была дружба, и мальчиков даже называли Адольфами). Отец прибыл на дачу прямо из своего госпиталя, видимо, в мрачном расположении духа, боясь увидеть какого-нибудь соперника помоложе, и нашел в избушке чудище костлявое, лысое, и вдобавок, как огородное пугало, одетое в большую рубаху. Чудище спряталось за печкой, на койке, и там зарылось в одеяло, как потом живо повествовала, хохоча, мама Оля. Мама выскочила на шум и сказала папе, что это найденныш. И вообще она нашла девку не в Ленинграде, а взяла Маню на станции, когда собиралась с грибами ехать домой. Мама Оля рассказала, что ждала поезда на лавочке, а девочка помирала под лавкой, ну и послышался стон. Такой, из последних. Врачи его знают. Хорошо, у мамы был выходной. Подмышки ее мама вытащила, девка ничего не весила,

у нее и в руках ничего не было, видно, пешком шла — и куда, в город за сотню верст, туда шли все голодающие. Сесть в поезд мама с ней не решилась, Манька была такая вшивая, что у нее даже на бровях шевелились. Это бывает с умирающими, мама знала по фронту. Мама рассказывала, что девчонку отволокла, почти что отнесла почти что труп на дачу, положила Маньку в бане, девку побрила, даже брови. Напоила горячим чаем с сахаром. Мама Оля — она же была врач — всего понавидалась (потом только рассказывала все это, в старости, раньше не решалась. Мало ли кто настучит, напишет. Свой-то тоже возьмут и растреплют, а там новость пошла по людям, а уж сексот найдется, в органы донесет).

Мама Оля натопила баню, вымыла, одела этот скелет в свою рубашку ночную старую. Сварила жидкой овсянки, дала пить отвар. И это стал ее секрет, что у них в бане живет кулацкое отродье (иначе их не называли). Оттуда они с папой вдвоем и привезли домработницу домой, опасаясь, что деревенские соседки уже заходили, глазами шнырили, жди доносов.

Выбирались уже впотьмах, отец нашел на окраине Ленинграда чужой грузовик. Приехал на нем, велел въезжать во двор. Ворота запахнул.

Якобы грузили вещи, соседи-то в окна поглядывали, когда все происходило, занавески трепыхались.

СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

Но доехали только до города, там уже распрощались. Ну прямо как подпольщики.

Дальше папа нашел другой грузовик.

И папа эту девку-найденыша, заботливо причем, уже в Ленинграде по лестнице чуть не на руках нес за подмышки. Манька-то скобская была. И папа тоже скобарь! Нашел родную душу, девочку бритая. Так брили детей в деревнях из-за вшей, и так они и бегали.

Но Валяшка эту Маньку не полюбила. Потому что она считала, что зачем ее привезли мать с отцом. Причину многих бед потом, как и оказалось. И почему Маньку положили спать не в коридоре у входной двери, где все домработницы ночевали до того, а отдельно, в кладовке, все там мама сгребла, повыкидывала, помыла.

Потом Валяшка поняла — в дверь мало ли кто позвонит, войдет, а тут эта, и кто она.

Домработница потом отцу, единственному человеку, созналась, что их раскулачили. Это был большой ее секрет, за такие вещи и рассказы ее могли и отправить следом за всей родней на север.

Отец подбавил: «В Котлас, знаем».

Манька сказала, что всех увезли на телегах ночью, ничего не дали с собой взять. Младшие дети очень плакали, кричали.

А Маню мать толкнула в подпол, крышка была откинута после обыска. Забирали мешки с картошкой и корзины со свеклой и морковкой. И бочку соленой капусты оттащили наверх всем отря-

дом. На ходу чавкая, а капуста свисала из пастей, как усы. Все облились, капусту потом Манька ночью собирала по полу, голодная.

Манька все это время сидела в подполье, зарывшись в песок, а через ночь выбралась и побежала. Кулацкое отродье их называли. Было ей пятнадцать лет. А в шестнадцать она уже забеременела.

Отец, как у нее начал расти живот, в результате каждый день являлся домой пьяный, ни с кем не разговаривал. Мама переживала за Маньку. И однажды девка исчезла из дома. И с ней исчез Валекин паспорт. Мать металась, хлопотала.

Мама Оля много лет спустя рассказывала дочери Лауре, что сама принимала роды у Мани, опять-таки в бане на даче, до больницы не успели добраться. А куда ребенка дели, спрашивала дотошная Лаура, а мама Оля отвечала, что сама ребенка принесла на станцию в корзине, закутанного в простыню и ватное одеяло, причем по-умному, рано утром, еще темно было, пусто, еще до прихода рабочего поезда, поставила корзину на скамейку и ушла в лес неподалеку. И как бы потом пришла на этот поезд, но корзины не заметила. Одна баба заметила, так воровато пошевырялась (папино словечко) в находке и сразу заорала, и ребенок запищал. И тут мама Оля тоже подошла как бы на крики. И они с той бабой взяли корзину и поехали с ней на рабочем поезде до первого по дороге отделения транспортной милиции, про-